

2023

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ 2030

23 МАЯ 2023

Динамика событий на мировой арене сегодня характеризуется продолжающейся поляризацией и распадом ткани международного сотрудничества. Соответствующие процессы инициированы западными странами в рамках ведения гибридной (в том числе санкционной и экономической) войны против России, развязанной явно без трезвой оценки ситуации и перспектив ее исхода. Курс на нанесение Москве «стратегического поражения» уже привел к разрыву логистических цепочек, деградации глобализационных процессов и трансформации «соперничества великих держав» в полноценную «холодную войну», с рисками ядерной эскалации и прямого вооруженного конфликта между Россией и НАТО.

Ситуация осложняется зависимостью позиции западных элит от внутривластной турбулентности как в США, так и в Европе, на фоне обострения социально-экономических проблем. Используя Украинский кризис как средство решения предвыборных задач и сплочения союзников, администрация Байдена и ориентирующиеся на нее силы сделали ставку на истощение военного и экономического потенциала России и рассматривают происходящее как средство для реставрации однополярного миропорядка, и сохранения своего глобального доминирования, непосредственная угроза которому исходит от суверенной и независимой политики России. Причем на этот раз России брошен не только традиционный военно-политический вызов, но и создается угроза на уровне идентичности и истории, что предопределяет экзистенциальный характер нынешнего конфликта.

С подачи Запада практически утратили свою актуальность попытки формирования глобальной повестки дня. Можно сказать, что она рухнула. Отказ от взаимодействия с Россией по ключевым вопросам,

таким как контроль над вооружениями и ядерное нераспространение, недопущение милитаризации космоса и киберпространства, противодействие глобальному потеплению, борьба с бедностью и неравенством, поддержание продовольственной безопасности и многие другие, сказался на эффективности международного сотрудничества в деле поиска коллективных ответов на новые вызовы и угрозу, как минимум, он осложнился. Фактически исчезновение даже предпосылок для формирования единых подходов. В то же время предпосылок для формирования неких альтернативных институтов, способных лечь в основу более эффективной системы миропорядка, не просматривается. Пока же Запад сделал крупный шаг к своей самоизоляции от всего незападного мира, положив начало формированию Мирового большинства, в том числе в составе России, Китая и Индии, в качестве противоположности и альтернативного полюса мирового развития.

Стремительно деградируют системы региональной безопасности, в частности в Европе и Азии. Сложившаяся архитектура Европейской безопасности вследствие ее натоцентричности и отказа Запада от компромиссов с Москвой практически перестала существовать с обострением Украинского кризиса. Все замороженные конфликты, в диапазоне от Кипра до Косово, оказались перед угрозой реактивации, тогда как международное сообщество лишилось инструментов, и без того недостаточно эффективных, для сохранения контроля над ситуацией. В Азии осуществляемое Вашингтоном формирование сети антикитайских альянсов создает перспективы для начала полноценной гонки вооружений и нарастания искусственно спровоцированной конфронтации между региональными державами.

Растущая поляризация и блоковость в международных делах нанесли удар по существованию единого информационного и экономического пространства. Наблюдается стремительная компартиментализация Интернета. На фоне распада основ Бреттон-Вудской системы возникает запрос на региональные торгово-экономические союзы. На фоне очевидного цивилизационного раскола свою неэффективность показали инструменты «мягкой силы» Запада, рискнувшего с катастрофическими последствиями для себя использовать взаимозависимость как оружие. Как следствие наблюдается дестабилизация и распад глобального мира на региональные кластеры, которые служат материалами для выстраивания нового миропорядка на полицентричной основе, отражающей культурно-цивилизационное многообразие мира (включая Россию как государство цивилизацию), которое подавлялось западным доминированием на протяжении веков.

Все это говорит о том, что человечество вновь переживает переломный момент своего развития, исход которого предопределит в том числе горизонты международных отношений и мироустройства к рубежу 2030 года, и, скорее всего, процессы мирового переустройства затянутся еще на 5–10 лет. Ближайшие годы станут периодом переосмысления концептуальных подходов всех международных акторов к тому, какой должна быть система международных отношений, отвечающая требованиям времени. Нет сомнений в том, что западная гегемония износилась и завела мир в тупик, более не служит поставщиком международных «общественных благ». Парадигма дальнейшего развития складывающейся на наших глазах системы будет сформулирована во многом в зависимости от результатов СВО на Украине.

По всей видимости, продолжится болезненное расставание США с ролью лидера, сопровождающееся нарастанием внутренней турбулентности в стране. Очевидно, что сплочение западных политических сил перед лицом искусственно навязанной им «российской угрозой» является временным. Многочисленные конфликты и в Соединенных Штатах, и в Европе перешли в латентный режим, но будут требовать своего разрешения, поскольку речь идет о комплексном кризисе западного общества, сопоставимым с Великой депрессией 30-х гг. и кризисом конца 70-х, из которого выход был найден на путях перехода к неолиберальной экономической политике (рейганомика-тетчеризм) и глобализации, подвергнувших «ползучей» ревизии послевоенный «общественный договор».

Запад оказался не готов к затяжному конфликту на Украине, тогда как план «гибридного блицкрига» в отношении России провалился. Пока наблюдается стремление Вашингтона завершить конфликт на Украине к концу этого года переговорным урегулированием на своих и не приемлемых для нас условиях: прекращение огня, сохранение нынешней Украины с нынешним режимом и идеологией в территориально сохраненном виде с возможностью продолжения ее милитаризма Западом (но без формального членства в НАТО) при отказе от признания наших новых границ и, соответственно, дискриминация лиц, проживающих в наших новых регионах; санкционный режим предполагают сохранять до окончательного урегулирования при некоторых послаблениях. Главный мотив такого подхода – неспособность США и их европейских союзников вести «войну на два фронта», притом, что именно Китай, а не Россия рассматриваются как сложный вызов западной гегемонии.

Соответственно, и общая конструкция геополитического миропорядка, создававшаяся Вашингтоном после окончания холодной войны и переживающая ныне системный кризис, вряд ли может быть реанимирована. Присущая ей блоковость политического мышления способна привести лишь к масштабному конфликту глобального характера, чего основные акторы, включая те же США и коллективный Запад, в целом будут стремиться всемерно избегать. Это противоречит и интересам бизнеса, которому нужны стабильность и предсказуемость. Отсюда более правдоподобной представляется альтернатива более-менее системного консенсуса, отвечающего потребностям и подходам различных центров сил в Евразии, Африке и Латинской Америке, как это произошло на фоне распада колониальных империй в первой половине XX века. В целом ситуация в треугольнике Россия – США – Китай, очевидно, будет в преимущественной степени влиять на будущую мировую конфигурацию, побуждать США к принятию многополярности как «новой нормальности». При этом курс США по одновременному сдерживанию России и Китая не только не дает желаемых Вашингтону результатов, но до настоящего времени приносит обратный эффект. Что позволит судить о безнадёжности «нормализаций» США и Запада в целом как еще одной цивилизации и еще одного региона мира.

А это сулит, несмотря на усиление роли фактора военной силы в мировой политике, весьма неопределенные перспективы для сохранения стабильности в предстоящие 10-15 лет. Многие будут зависеть и от темпов смены локаций западных элит, сформировавшихся в тепличных условиях «однополярного момента» последних 30 лет.

Вполне вероятно прогнозировать и разъедание системы Европейского союза, объединяющего наиболее последовательных союзников

США, которые продолжают утрачивать свою субъектность и, несмотря на явные политические и экономические издержки для себя, скатываются на позиции беспрекословного подчинения курсу Вашингтона, использующего европейский бизнес, включая германский, для реиндустриализации США. Такая ситуация, объективно, таит в себе, на перспективу, и возможности усиления центробежных проявлений в ЕС и усиления потенциала для принятия западноевропейскими странами защитных мер для обеспечения национальных интересов. Зона жестко ориентированных на США государств Евросоюза постепенно может приобрести тенденцию к постепенному, последовательному сокращению и смещению на север и восток.

Очевидным представляется дальнейшее нарастание процессов деглобализации. Все большее значение для государств, претендующих на роли региональных лидеров, приобретают факторы достижения экономического, производственного, научного, технологического и валютно-финансового суверенитета. Наряду с этим центр тяжести внешнеполитической активности неизбежно будет смещаться в сторону Мирового большинства – регионов Азии, Африки и Латинской Америки.

Созданный в послевоенный период международный правопорядок с центральной ролью ООН и универсальными международными правовыми инструментами фактически приостановил свое действие в условиях системной конфронтации между Западом и Россией. Это относится прежде всего к поддержанию мира и безопасности. К тому же, основные многосторонние договоры и соглашения, направленные на предотвращение ядерных испытаний, поддержание ядерного паритета, ограничение вооружений и опасной военной деятельности, пре-

кратили свое действие вследствие выхода из них в одностороннем порядке США или приостановки действия в ответ на это с российской стороны.

Начавшийся с 1971 года процесс трансформации и реформирования валютно-финансовой системы, заложенной в Бреттон-Вудсе на долларовой основе, последовательно и ускоренными темпами движется в направлении снижения международной роли доллара и других западных валют. Использование доллара как оружия подрывает саму легитимность этой системы. Одновременно обозначились реальные перспективы формирования многоэлементной системы региональных валют, используемых в международных платежах, прежде всего в регионах.

Все более рельефную заявку на превращение в мощный экономический центр силы делают интеграционные объединения государств, преимущественно расположенные в евразийской зоне – БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АТЭС, АСЕАН. Основа для реализации концепции Большого евразийского партнерства будет неизбежно укрепляться за счет разрушения – институционального и иного – западного контроля.

Среди определяющих тенденций – продолжение перемещения фокуса глобальной политической и экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион. Совокупность геополитических процессов в АТР и особенностей региональной специфики выделяет его в качестве перспективной площадки перехода к новой архитектуре региональной безопасности, адекватной изменившимся реалиям. Так, принципиально важно, что в Азии прочно укоренилась традиция поиска развязок возникающих проблем на инклюзивной и консенсусной ос-

нове, в рамках довольно уникальной системы «сдержек и противовесов», без использования «чужих» внешних моделей, а интеграция здесь, в отличие от Европы, не сопровождается изначальным геополитическим соперничеством (несмотря на различия моделей развития и пока вопреки попыткам «сломать» извне специфическую «азиатскую парадигму»).

В АТР достаточно трезвых сил, придерживающихся системы взглядов, по которым навязывание извне искусственных формул «порядка», ведущего к расколу региональной жизни, категорически неприемлемо. Поэтому один из сценариев экстраполяции такой тенденции – здоровая консолидация этих сил, в частности, в континентальной части Азии, где более продвинуты интеграционные процессы, где заметно меньше потенциальных «цепочек союзников» Вашингтона (по сравнению с «тихоокеанской» частью АТР), наконец, где Россия и Китай играют первостепенные роли, основываясь на своем стратегическом взаимодействии. Следовательно, резонно исходить из того, что укрепление здесь российских позиций и проведение активной дипломатии в регионе приобретает для России весьма значимый, стратегический характер – своего рода поворот на Восток при отказе от 300-летнего европоцентризма и самой идеи «встраивания в Запад», оказавшейся иллюзией. Теперь предстоит культурно-цивилизационное самоопределение России, предопределенное всей ее историей как многонационального и многоконфессионального государства, совместимого с другими культурами и цивилизациями на контрасте с Западной цивилизацией, проявляющей жест на какую-то совместимость.

Нарастает значение ресурсообеспеченности государств, в том числе полезными ископаемыми, особенно имеющими стратегическое

значение, энергоресурсами, продовольствием, водными ресурсами, включая источники пресной воды. Следует ожидать резкого возрастания интереса и соперничества за ресурсы малоосвоенных регионов, в первую очередь Арктики, позднее Антарктики. Следующими шагами станут «зашельфовые» пространства мирового океана. Соперничество и конкуренция за освоение этих зон, помимо самостоятельного исключительно большого значения, уже в недалеком будущем станут главными драйверами экономического и технологического развития стран, факторами, определяющими их место в формирующейся новой международной системе и ее иерархии.

Вместе с тем достижения в области технологий, особенно в таких областях, как искусственный интеллект, биотехнологии и возобновляемые источники энергии, будут продолжать формировать глобальное развитие. Эти технологии могут изменить многие аспекты жизни общества. Ожидается, что быстрое развитие искусственного интеллекта, автоматизации, робототехники и биотехнологий произведет революцию во многих отраслях, включая здравоохранение, транспорт, производство и сельское хозяйство. Развитие «умных» городов и интеграция технологии блокчейна в различных секторах также изменят среду проживания, бизнеса и человеческого общения. Цифровая революция, вероятно, в ближайшие десятилетия ускорится. Внедрение цифровых технологий, таких как облачные вычисления, большие данные и сети 5G, интернет вещей, будет создавать новые возможности для инноваций и роста.

Нельзя исключать при этом биополитических выбросов со стороны Запада в целях контроля за ростом народонаселения, включая неомальтузианство, евгенику, лгбтизм и трансгендерство.

Что касается идеологической основы общественной жизни, то неизбежным представляется противопоставление сфер мировоззрения, идеологии и культурно-исторической идентификации. Это создаст предпосылки для восстановления значения инструментария т.н. «мягкой силы» в международных отношениях, но уже на сбалансированной и подлинно конкурентной основе.

Надо исходить из двух вариантов развития указанных процессов: «мягкой посадки» с преобладанием рациональных подходов и принципов умеренной политики и «жесткой посадки» с накоплением критической массы в сложной системе с реализацией обвального сценария в любой момент, причем триггером может послужить любое событие, будь то геополитического или внутреннего характера, независимо от его размеров и значимости в правильной/нормальной системе координат.

